

ЕСЕНИН Сергей Александрович родился 3 октября (21 сентября по старому стилю) 1895 года в селе Константиново Рязанской губернии в крестьянской семье. Его отец с 12 лет служил в Москве в лавке, бывая в деревне, даже после женитьбы, только наездами. Ранние годы (1899–1904) Сергей Есенин провел у деда и бабушки по матери — Федора и Наталии Титовых. В 1904 году Сергей поступил в Константиновское четырехклассное училище, которое с отличием окончил в 1909 году. В 1912 году окончил Спас-Клепиковскую учительскую школу по специальности «учитель школы грамоты». Летом 1912 года Есенин переехал в Москву, некоторое время служил в мясной лавке, где приказчиком работал его отец. После конфликта с отцом ушел из лавки, работал в книгоиздательстве, затем в типографии Ивана Сытина в 1912–1914 годах. В этот период поэт примкнул к революционно настроенным рабочим и оказался под надзором полиции.

В 1913–1915 годах Есенин был вольнослушателем историко-философского отделения Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. В Москве он сблизился с писателями из Суриковского литературно-музыкального кружка — объединения писателей-самоучек из народа.

Стихи Сергей Есенин писал с детства, в основном в подражание Алексею Кольцову, Ивану Никитину, Спиридону Дрожжину. К 1912 году он уже написал поэму «Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолище и Спасе Нашем Иисусе Христе», а также подготовил книгу стихов «Больные думы». В 1913 году поэт работал над поэмой «Тоска» и драматической поэмой «Пророк», тексты которых неизвестны.

В январе 1914 года в московском детском журнале «Мирок» под псевдонимом

«Аристон» состоялась первая публикация поэта — стихотворение «Береза». В феврале в этом же журнале были напечатаны стихотворения «Воробышки» («Поет зима — аукает...») и «Пороша», позже — «Село», «Пасхальный благовест».

Весной 1915 года Есенин приехал в Петроград (Санкт-Петербург), где познакомился с поэтами Александром Блоком, Сергеем Городецким, Алексеем Ремизовым, сблизился с Николаем Клюевым, оказавшим на него значительное влияние. Их совместные выступления со стихами и частушками, стилизованными под «крестьянскую», «народную» манеру, имели большой успех.

В 1916 году вышел первый сборник стихов Есенина «Радуница», восторженно принятый критикой, обнаружившей в нем свежую струю, юную непосредственность и природный вкус автора. С марта 1916 года по март 1917 года Есенин проходил военную службу — первоначально в запасном батальоне, расположенном в Петербурге, а затем с апреля служил санитаром Царскосельского военно-санитарного поезда № 143. После Февральской революции самовольно оставил армию.

В начале 1918 года Есенин переехал в Москву. С воодушевлением встретив революцию, он написал несколько небольших поэм: «Иорданская голубица», «Инония», «Небесный барабанщик», проникнутых радостным предчувствием «преображения» жизни. В 1919–1921 годах входил в группу имажинистов, заявлявших, что цель творчества состоит в создании образа.

В начале 1920-х годов в стихах Есенина появились мотивы «развороченного бурей быта», пьяной удали, сменяющейся надрывной тоской, что отразилось в сборниках «Исповедь хулигана» (1921) и «Москва кабацкая» (1924).

Событием в жизни Есенина явилась встреча осенью 1921 года с американской танцовщицей Айседорой Дункан, которая через полгода стала его женой. С 1922 по 1923 год они совершили путешествие по Европе (Германия, Бельгия, Франция, Италия) и Америке, но по возвращении в Россию Айседора и Есенин почти сразу же расстались.

В 1920-е годы были созданы наиболее значительные произведения Есенина, принесшие ему славу одного из лучших русских поэтов. Последние два года жизни поэта прошли в разъездах: он трижды совершил путешествия на Кавказ, несколько раз ездил в Ленинград (Санкт-Петербург), семь раз — в Константиново.

В конце ноября 1925 года поэт попал в психоневрологическую клинику. Одним из последних произведений Есенина стала поэма «Черный человек», в которой прошедшая жизнь предстает частью ночного кошмара. Прервав курс лечения, 23 декабря Есенин выехал в Ленинград. 24 декабря 1925 года он остановился в гостинице «Англетер», где 27 декабря написал свое последнее стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...». В ночь на 28 декабря 1925 года, по официальной версии, Сергей Есенин покончил жизнь самоубийством. Никакого серьезного расследования не проводилось, власти города ограничились рапортом от участкового милиционера.

Специально созданная в 1993 году комиссия не подтвердила версии о других обстоятельствах смерти поэта, помимо официальной. Сергей Есенин похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище. 2 октября 1965 года, к 70-летию со дня рождения поэта, в селе Константиново в доме его родителей был открыт Государственный музей-заповедник С.А. Есенина — один из крупнейших музейных комплексов России. 3 октября 1995 года в Москве в доме № 24 по Большому Строченковскому переулку, где в 1911–1918 годах был прописан Сергей Есенин, был создан Московский государственный музей С.А. Есенина. Также Музей Сергея Есенина с 1981 года существует в Ташкенте (Узбекистан).

Спит ковыль. Равнина дорогая

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольт мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живетя на Руси.

Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Гой ты, Русь моя родная

Гой ты, Русь моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.

И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Русь

1

Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.

Воют в сумерки долгие, зимние,
Волки грозные с тощих полей.
По дворам в догорающем инее
Над застрехами храп лошадей.

Как совиные глазки за ветками,
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.

Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь — везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мгlistые
На березках висят галуны.

2

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров.

А как гаркнут ребята тальянкою,
Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей.

3

Понакаркали черные вороны
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озер.

Грянул гром, чашка неба расколота,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.

Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Собирались мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ.
Вот где, Русь, твои добрые молодцы,
Вся опора в годину невзгод.

4

Затомилась деревня невесточкой —
Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой,—
Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана,
В ветре бластились стуки костей.
И пришли к ним неожиданно-негаданно
С дальней волости груды вестей.

Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.
Подхватили тут рódные грамотку,
За ветловую сели тесьму.

Собрались над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на короточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.

5

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестяным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха.

Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у воды.
Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.

Разгадал я их думы несметные,
Не спугнет их ни гром и ни тьма.
За сохою под песни заветные
Не причудится смерть и тюрьма.

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.

А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,

Им мерещился в даях за дымами
Над лугами веселый покос.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож.

О Русь, взмахни крылами

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в златой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках — краюха хлеба,
Уста — вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его средний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избраздил весь край
И выбрал кличку — Клюев,
Смиранный Миколай.

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха
С бескудрой головы.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.

Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной бога
Веду я тайно спор.

Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.

За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звонит их бойкий стих.

Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.

Сокройся, сгинь ты, племя
Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.